

МЕЛКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

ВЕРБОВКА В США

ДЛЯ БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Конфиденциальные источники:
психология сотрудничества,
правовые рамки и практические разборы

18+

Алексей Мелков

Вербовка в США для борьбы с преступностью

<https://litres.ru/74442987>

SelfPub; 2026

Аннотация

Почему человек соглашается стать конфиденциальным источником — и насколько можно доверять его словам? Страх, раскаяние, личный конфликт и ожидание выгоды способны переплетаться в одном рассказе. Но убедительная история ещё должна выдержать проверку.

Книга посвящена законному сотрудничеству с правоохранительными органами США. На примерах судебных решений и вымышленных учебных историй рассматриваются первый разговор, пределы обещаний, иммунитет, вознаграждение, защита близких и проверка цифровых материалов. Особое внимание уделено роли адвоката и обстоятельствам, которые могут поставить достоверность сообщения под сомнение.

В издание включены 23 главы, 30 ситуаций с вопросами и разборами, примеры диалогов, рабочие формы и словарь. Книга адресована юристам, студентам и читателям, интересующимся

психологией сотрудничества, исследованием преступлений и устройством американского правосудия.

Содержание

Содержание	8
Предисловие	10
Глава 1 Человек перед закрытой дверью	12
Письмо, которое осталось в черновиках	12
Четыре разных решения	14
Что считать хорошим результатом первой встречи	16
Цена слишком быстрого согласия	17
Глава 2 Когда тайна становится предметом суда	18
Как читать документальные истории	18
Джозеф Валачи сведения изнутри организации	19
Roviaro отсутствующий участник события	20
Giglio обещание, о котором не знал другой прокурор	22
Henry разговор в камере и право на защитника	23
Connolly когда отношения сами становятся предметом обвинения	24
Что объединяет эти дела	25
Глава 3 Доступ к людям ещё не означает доступа к истине	26
Близкий знакомый и точный наблюдатель	26

Три расстояния до события	27
Репутация не переносится автоматически	29
Упражнение что известно на самом деле	30
Глава 4 Мотив, который человек называет, и ожидание, которое он скрывает	31
Рассказ о справедливости	31
Вопрос об ожидании конкретнее спора об искренности	33
Несколько мотивов одновременно	34
Стыд и язык самооправдания	35
Мотивация меняется	36
Глава 5 Доверие, которое выдерживает неудобный ответ	37
Отношения без безусловного согласия	37
Поддержка и внушение	38
Пауза как часть разговора	39
Ошибка самого сотрудника	40
Граница личной близости	41
Глава 6 Первый разговор подробный учебный разбор	42
Условия сцены	42
Начало без готового обвинения	43
Уточнение личного знания	44
Ожидание, которое меняет разговор	45
Собственная роль рассказчика	46
Если разговор законно продолжается	47

Завершение и проверка понимания	48
Вопросы для самостоятельного разбора	49
Глава 7 Запись, которая не становится соавтором показаний	50
Как исчезает неопределённость	50
Цитата, пересказ и вывод	51
Уверенность тоже имеет историю	52
Исправление без уничтожения прошлого	53
Электронный файл и его происхождение	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алексей Мелков
Вербовка в США для
борьбы с преступностью
ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ
Вербовка в США

для борьбы с преступностью

*Конфиденциальные источники: психология сотрудниче-
ства, правовые рамки и практические разборы*

Мелков Алексей Валерьевич

Кандидат юридических наук, Почетный адвокат России

Адвокат МКА «Пахомов Лигал Групп»

Расширенная редакция

2026

Содержание

Предисловие

Глава 1 Человек перед закрытой дверью

Глава 2 Когда тайна становится предметом суда

Глава 3 Доступ к людям ещё не означает доступа к истине

Глава 4 Мотив, который человек называет, и ожидание,

которое он скрывает

Глава 5 Доверие, которое выдерживает неудобный ответ

Глава 6 Первый разговор подробный учебный разбор

Глава 7 Запись, которая не становится соавтором показаний

ний

Глава 8 Адвокат читает историю сотрудничества

Глава 9 Разные преступления разные пробелы знания

Глава 10 Руководитель, который способен остановить полезную связь

лезную связь

Глава 11 Правовой смысл согласия и иммунитета

Глава 12 Расследование и недопустимое создание преступления

ступления

Глава 13 Вознаграждение без покупки нужной версии

Глава 14 Близкие люди и цена участия

Глава 15 Язык культура и смысл согласия

Глава 16 Ложное предложение сотрудничества

Глава 17 Цифровой материал и человек который его при-

нёс

Глава 18 Невыгодное свидетельство и обязанность его заметить

Глава 19 Один источник и несколько учреждений

Глава 20 Когда верное решение состоит в отказе

Глава 21 Дело о лишнем платеже история от сообщения до пересмотра версии

Глава 22 Как учиться на ситуациях и не заучивать манипуляции

Глава 23 Ошибки оценки и способы их заметить

Рабочие формы для разбора материалов

Практикум Тридцать ситуаций с разбором

Словарь для читателя

Заключение Сотрудничество, которое выдерживает проверку

Практический справочник

Официальные источники

Предисловие

Человек, который сообщает о преступлении, приходит со своей историей. В ней могут сочетаться точное наблюдение и слух, желание помочь и ожидание выгоды, страх и убеждённость в собственной правоте. Работа с таким сообщением требует одновременно внимания к человеку и способности проверять его слова.

Эта книга посвящена законному привлечению конфиденциальных источников к сотрудничеству с правоохранительными органами США. Она рассматривает решения участников, пределы обещаний, качество информации и возможность её последующей судебной проверки. Важное место занимает работа адвоката: как защищать интересы сотрудничающего лица и как исследовать сведения источника, выступающего против обвиняемого.

Документальные разборы имеют ссылки на официальные публикации и судебные акты. Учебные истории и диалоги вымышлены и обозначены в тексте. Они показывают ход рассуждения и не являются утверждёнными формами FBI или DOJ. Американские федеральные правила нельзя автоматически переносить на все штаты или на российское производство.

Читать книгу можно последовательно, от решения сообщить сведения до оценки сотрудничества в суде. Практиче-

ский справочник в конце позволяет быстро вернуться к основным вопросам разговора, проверки и правовых ограничений.

Глава 1 Человек перед закрытой дверью

Письмо, которое осталось в черновиках

Учебная история. Действующие лица и организация вымышлены.

Майкл работал в отделе закупок небольшой американской компании. Он не считал себя человеком, которому предстоит общаться со следователями. Его обычный день состоял из счетов, уточнений сроков и писем поставщикам. Однажды он обнаружил несколько платежей за одинаковые услуги. Это могло быть ошибкой: бухгалтерия уже сталкивалась с повторной загрузкой документов. Но руководитель попросил его больше не возвращаться к вопросу.

Вечером Майкл написал сообщение о возможном мошенничестве. Потом удалил слово «мошенничество» и заменил его на «нарушение». Затем убрал фамилию начальника. Сообщение осталось в черновиках. Он боялся потерять работу, но ещё сильнее опасался оказаться человеком, который разрушил чужую жизнь из-за неправильно понятой таблицы.

На следующий день коллега сказала, что похожие пла-

тежи проходили и раньше. Майклу стало легче: теперь он был не единственным, кому ситуация казалась подозрительной. Однако это облегчение ничего не добавило к доказательствам. Коллега могла видеть те же документы, повторять чей-то слух или иметь самостоятельные сведения. До разговора установить это было невозможно.

Так выглядит один из возможных порогов сотрудничества. Нет эффектной встречи в пустом ресторане, условного знака или чемодана денег. Есть человек, который пытается понять значение увиденного и последствия собственного решения. Для него вопросы о семье, работе и репутации могут звучать громче, чем слова о раскрытии преступления.

Четыре разных решения

Рассказчик может согласиться объяснить конкретный документ, но не соглашаться на дальнейшее участие. Может передать уже имеющуюся информацию и попросить время для юридической консультации. Может выразить готовность сотрудничать, не понимая, какие обязанности предполагает собеседник. Поэтому выражение «он согласился» слишком неопределённо для серьёзной работы.

В учебном анализе полезно различать согласие на встречу, согласие сообщить определённые сведения, согласие обсуждать условия будущего сотрудничества и само оформленное сотрудничество. Это не четыре обязательные юридические стадии американского процесса, а способ не подменять одно решение другим. Ни одно из них нельзя автоматически выводить из предыдущего.

Предположим, Майкл говорит: «Я готов помочь». Сотрудник слышит готовность поддерживать постоянную связь, а сам Майкл имеет в виду двадцать минут разговора о трёх счетах. Если это расхождение не обнаружить сразу, на следующей встрече возникнут взаимные обвинения. Один решит, что источник уклоняется от обещанного, другой — что его обманом втянули в гораздо более широкое участие.

Уточнение может быть простым: «Какую помощь вы сейчас готовы обсудить?» Затем следует объяснить, что имен-

но предлагает уполномоченный орган, что ещё не решено и какие ограничения необходимо проверить. Такой разговор требует времени, зато не оставляет обязательства в области догадок.

Что считать хорошим результатом первой встречи

В кино результат обычно понятен: человек произносит нужное имя. В профессиональном разборе встреча может оказаться полезной и без единого нового обвинения. Например, выясняется, что заявление относится к гражданскому конфликту, что рассказчик перепутал две компании или что непосредственной угрозе подвергается другой человек.

В нашей истории хорошим результатом было бы установить, какие счета Майкл видел лично, в чём состоит необычность платежей, кто может объяснить хозяйственную операцию и какие документы доступны ему законно. Возможно, после проверки подозрение подтвердится. Возможно, два одинаковых названия окажутся отдельными этапами услуги. Исход встречи не должен зависеть от того, какой ответ больше нравится проверяющему.

Разговор нельзя оценивать только числом полученных фамилий. Не менее значимы уточнённые границы знания, обнаруженное недоразумение и предотвращённая опасная самостоятельность. Источник, которого не подтолкнули искать чужие пароли, может принести меньше эффектного материала сегодня, но не создать тяжёлую проблему завтра.

Цена слишком быстрого согласия

Фраза «не волнуйтесь, мы всё решим» кажется доброжелательной. Её недостаток в том, что каждый слышит своё. Майкл может понять её как обещание сохранить работу. Его коллега — как защиту от любого судебного разбирательства. Сотрудник может подразумевать лишь готовность внимательно выслушать.

Лучше назвать конкретную возможность: принять сообщение, разъяснить порядок, передать вопрос уполномоченному лицу, оценить угрозу. Если решения пока нет, об этом говорят прямо. Предварительная неопределённость неприятна, но она честнее уверенности, не подкреплённой полномочиями.

Участнику учебного разбора стоит задать вопрос: чего Майкл опасается больше — преступников, властей или собственной ошибки? Текст истории не позволяет выбрать единственный ответ. Именно поэтому вместо готового психологического диагноза требуется разговор. Внимание к человеку начинается с признания того, что его мотив ещё неизвестен.

Глава 2 Когда тайна становится предметом суда

Как читать документальные истории

Судебное решение редко рассказывает всю биографию источника. Оно разрешает определённый спор в пределах конкретного производства. Показания, приведённые в решении, нужно отличать от выводов суда, а доводы стороны — от установленных обстоятельств. Номер дела и дата помогают вернуть каждое утверждение в его настоящий контекст.

В этой главе приведены короткие документальные разборы. Они показывают разные вопросы: значение раскрытия личности, последствия обещаний, защиту права на адвоката и опасность злоупотребления отношениями с источником. Следующие за ними учебные выводы не превращают историческое решение в универсальную инструкцию на все случаи.

Джозеф Валачи сведения изнутри организации

В историческом материале FBI о борьбе с организованной преступностью отмечено, что в 1963 году Джозеф Валачи выступил перед подкомитетом Сената и сообщил сведения об истории, устройстве и ритуалах мафии. Значение его выступления выходило за пределы отдельного эпизода: слушатели получили описание закрытой среды от человека, который её знал изнутри. [8]

Из этой истории нельзя выводить, что один участник видит организацию целиком. Доступ к одним событиям не даёт автоматического знания о других. Для читателя полезно различать рассказ об устройстве группы и доказательство конкретного преступления конкретного лица. Первое может подсказать направления проверки; второе требует самостоятельного обоснования.

Не менее важно не сочинять мотивы исторического лица. Там, где документ не позволяет уверенно установить причину сотрудничества, автор не должен заполнять пробел эффектной сценой. Подробности внутреннего решения требуют отдельного источника, а не литературной догадки.

Roviaro отсутствующий участник события

В деле *Roviaro v. United States*, 353 U.S. 53, решение от 25 марта 1957 года, информатор был существенным участником событий, положенных в основу обвинения. Защита добивалась раскрытия его личности, но получила отказ. Верховный суд США признал отказ ошибочным в обстоятельствах этого дела и направил его на дальнейшее рассмотрение. [9]

Суд не установил обязательного раскрытия имени каждого информатора. Он указал на необходимость соотнести общественный интерес в сохранении источников с возможностью обвиняемого подготовить защиту. Имеют значение характер обвинения, варианты защиты и возможная полезность показаний информатора.

Практический смысл состоит в значимости роли человека. Если он непосредственно участвовал в спорном событии, его возможный рассказ нельзя оценивать так же, как анонимный сигнал о том, где искать документы. Для правовой позиции важно объяснить, какой существенный вопрос может прояснить этот участник, а не ограничиться требованием раскрыть всё.

McCray иной вопрос и иной результат

В деле *McCray v. Illinois*, 386 U.S. 300, решение от 20

марта 1967 года, рассматривался спор о законности ареста и обыска. Полицейские объяснили содержание сообщения информатора и основания доверять ему. Верховный суд не признал абсолютной конституционной обязанности раскрыть его личность на таком предварительном слушании при установленных в деле обстоятельствах. [10]

Это решение нельзя читать как отмену подхода *Roviaro*. Различались процессуальная задача и значение сведений для её разрешения. В одном деле центральным был доступ к потенциально важному участнику события при рассмотрении обвинения; в другом — проверка достаточных оснований для действий полиции.

Для адвоката полезно начинать с вопроса: что именно сейчас разрешает суд? Ответ помогает определить предмет ходатайства. Ссылка на известное дело без сопоставления обстоятельств выглядит убедительно лишь до первого уточняющего вопроса.

Giglio обещание, о котором не знал другой прокурор

В деле *Giglio v. United States*, 405 U.S. 150, решение от 24 февраля 1972 года, ключевому свидетелю было обещано непреследование в обмен на показания. Другой представитель обвинения, выступавший в суде, об обещании не знал. Сведения имели значение для оценки достоверности свидетеля. Верховный суд отменил обвинительное решение и направил дело на новое рассмотрение. [11]

Существенным оказалось содержание отношений государства со свидетелем. Недостаток внутреннего обмена информацией не устранил последствий для справедливости процесса. Поэтому профессиональный вопрос «что было обещано?» должен охватывать историю контактов, а не только последний подписанный документ.

Решение не означает, что любое неизвестное защите обстоятельство автоматически приводит к новому разбирательству. Важны применимый правовой стандарт и значение информации. В данном деле обвинение в очень высокой степени зависело от показаний именно этого свидетеля.

Henry разговор в камере и право на защитника

В *United States v. Henry*, 447 U.S. 264, решение от 16 июня 1980 года, использовались сведения платного информатора, находившегося в одном блоке с обвиняемым. Правительство ссылалось, в частности, на указание не начинать расспросы. Верховный суд оценил реальные обстоятельства и признал нарушение права на адвоката по Шестой поправке вследствие намеренного создания ситуации, способной вызвать самообвиняющие высказывания. [12]

Значение имели стадия дела, содержание под стражей, роль информатора и характер взаимодействия. Этот вывод нельзя превращать в утверждение, что любой разговор заключённых запрещён или что любая полученная от сокамерника информация недопустима.

Для учебного анализа важно другое: название поручения не определяет его правовую природу. Оценке подлежит то, что фактически организовали и сделали. Слово «слушать» в документе не заменяет исследования поведения участников.

Connolly когда отношения сами становятся предметом обвинения

В решении *United States v. Connolly*, дело № 02-2201, от 14 августа 2003 года Апелляционный суд Первого округа рассмотрел федеральную жалобу бывшего сотрудника FBI Джона Коннолли и оставил обвинительное решение в силе. Производство касалось, среди прочего, рэкета, воспрепятствования правосудию и ложных заявлений, связанных с отношениями с информаторами. [13]

Здесь рассматривается именно федеральное апелляционное решение 2003 года. Позднейшие отдельные процессы и заявления о пересмотре нельзя смешивать с этим актом или представлять их доводы как уже установленные факты.

Для книги эта история важна как напоминание о двустороннем риске. Влияние существует не только от сотрудника к источнику. Полезный информатор способен стать человеком, ради сохранения которого начинают оправдывать исключения. Поэтому контроль должен охватывать и поведение сотрудника, и фактическую историю отношений.

Что объединяет эти дела

В перечисленных историях центральными оказываются вопросы, которые легко оставить «на потом»: кто участвовал, какие условия были предложены, кто их знал и что фактически происходило. Впоследствии именно эти детали становятся предметом судебного спора. История сотрудничества имеет самостоятельное доказательственное значение.

Читателю полезно представить, что перед ним не готовое дело, а незавершённая папка. В ней есть сведения о преступлении и сведения о способе их получения. Если вторую часть считать техническим приложением, можно не заметить обстоятельств, меняющие смысл первой. Эффективность расследования и проверяемость его методов должны обсуждаться вместе.

Глава 3 Доступ к людям ещё не означает доступа к истине

Близкий знакомый и точный наблюдатель

Учебная ситуация. Даниэль утверждает, что знает всё о руководителе преступной группы: они выросли в одном районе, встречались на семейных праздниках, несколько раз вместе ездили за город. Он перечисляет привычки, прозвища и знакомых. Рассказ производит впечатление близости.

Затем сотрудник спрашивает о конкретной денежной передаче. Даниэль отвечает: «При мне такого не обсуждают». Это не делает предыдущий рассказ ложным. Но выясняется, что социальная близость и знание расследуемого события — разные вещи. Человек может понимать бытовые отношения и ничего не знать о финансовых решениях.

Полезно сопоставить утверждение с ролью рассказчика. Если он работал водителем, что он мог наблюдать из машины? Если занимался расчётами, видел ли основания платежей? Если слышал разговор через стену, мог ли различить участников? Проверка доступности наблюдения конкретнее общего впечатления о «хороших связях».

Три расстояния до события

Для учебного анализа можно говорить о физическом, смысловом и временном расстоянии. Это авторская модель, а не официальная шкала американского ведомства.

Физическое расстояние описывает условия наблюдения: присутствовал ли человек, что было видно, что мешало слышать. Смысловое расстояние показывает, понимал ли он происходящее: видел ли обмен документами или знал их содержание. Временное расстояние отделяет событие от первого зафиксированного рассказа: не изменился ли за это время контекст воспоминания.

Например, сотрудница присутствовала при разговоре двух руководителей. Она слышала слова «пять процентов» и «после подписания». Физическое расстояние невелико: разговор происходил рядом. Смысловое может быть значительным: речь шла о комиссии, скидке, премии или незаконной выплате. Позднее, узнав о расследовании, она связала слова с коррупцией. Эта связь требует проверки, даже если воспоминание о самих словах точное.

В протоколе учебного разбора полезнее написать «слышала такую фразу, содержание обсуждаемого соглашения ей неизвестно», чем «подтвердила договорённость о взятке». Краткость записи не оправдывает увеличение определённости.

Когда два сообщения это один слух

Первый источник сообщает, что на складе прячут похищенное имущество. Второй через неделю подтверждает то же самое. Третий называет тот же адрес. Возникает впечатление независимого совпадения. Но при уточнении оказывается, что все трое прочли одно сообщение в закрытой группе.

Три пересказа способны подтвердить распространение слуха. Они не превращают слух в три независимых наблюдения. Поэтому рядом с содержанием сообщения нужна история его происхождения: кто сообщил, когда, видел ли рассказчик первичный материал, обсуждал ли его с другими.

В учебной проверке можно предложить студенту заменить фамилии буквами и проследить путь информации. Если все линии приводят к одному первоначальному утверждению, возникает задача проверить его основу. Количество людей в цепочке и количество независимых оснований — разные величины.

Обратная ситуация тоже возможна. Люди могли действительно видеть разные части события, но пользоваться одинаковыми словами, потому что обсуждали их позже. Тогда полезно выяснить, какие детали каждый сообщал до общего разговора. Это помогает отделить первоначальное наблюдение от позднейшего согласования смысла, не объявляя любое общение свидетелей преступным сговором.

Репутация не переносится автоматически

Источник мог десять раз точно сообщить адреса и расписание встреч. Одиннадцатое сообщение касается намерения совершить убийство. Прошлая точность важна для оценки, но она не доказывает новое утверждение. Знание расписания может возникать из наблюдения, а рассказ о намерении — из догадки или пересказа.

Поэтому полезно вести отдельно историю качества работы человека и оценку конкретного сообщения. Первая отвечает на вопрос, как он проявлял себя раньше. Вторая — что позволяет доверять именно этому утверждению сейчас. Смещение этих задач создаёт эффект безусловного авторитета.

Точно так же отдельная ошибка не позволяет механически отвергнуть все остальные сведения. Рассказчик может перепутать дату, правильно описав событие. Но он может и сознательно добавлять правдоподобные детали к ложному обвинению. Решение требует сопоставления фактов, а не общего ярлыка «надёжен» или «лжец».

Упражнение что известно на самом деле

Условное сообщение: «Начальник каждую пятницу отвозит наличные чиновнику. Я видел конверт, а бухгалтер сказал, что это откат. Адрес я узнал из переписки коллег».

В этом сообщении несколько самостоятельных утверждений. Наблюдение конверта не устанавливает его содержание. Слова бухгалтера требуют выяснения его основания знания. Регулярность «каждую пятницу» нуждается в перечне конкретных наблюдений. Адрес из переписки ещё не доказывает, кто там находится и зачем туда приезжали.

Правильный учебный ответ сохраняет все эти различия. Неправильный сводит их к фразе «источник неоднократно наблюдал передачу взяток». Такая редакция создаёт информацию, которой человек не сообщал. Проверяющий должен уметь увидеть это увеличение смысла ещё до того, как оно попадёт в официальный документ.

Глава 4 Мотив, который человек называет, и ожидание, которое он скрывает

Рассказ о справедливости

Учебная история. Елена, сотрудница американской торговой компании, приходит сообщить о хищениях. Она говорит, что хочет справедливости. В ходе разговора выясняется, что её недавно лишили премии, а на должность руководителя назначили другого человека. Возникает соблазн решить: «Всё понятно, она мстит».

Это преждевременный вывод. Конфликт мог заставить её обратить внимание на нарушения, которые раньше она игнорировала. Он мог придать старым событиям новый смысл. Наконец, она могла сознательно преувеличить обвинения. Все три версии совместимы с первоначальной фразой о справедливости.

Мотив объясняет возможное направление заинтересованности, но не заменяет проверку содержания. Если платёж подтверждается банковскими документами, конфликт не уничтожает документ. Если документ не подтверждает обвинение, сильное моральное негодование не восполняет про-

бел.

Вопрос об ожидании конкретнее спора об искренности

Вместо попытки немедленно определить «настоящую причину» полезно спросить: «Что должно произойти после вашего сообщения, чтобы вы считали обращение оправданным?» Ответ может открыть ожидание увольнения начальника, возврата денег, собственной безопасности или публичного признания.

Далее выясняют, связано ли это ожидание с реальной возможностью уполномоченного органа. Например, расследование не является кадровой службой компании. Сотрудник, принимающий сведения, не должен обещать восстановление на должности лишь потому, что человек считает такое решение справедливым.

Есть и другой вопрос: «Если проверка не подтвердит вашу версию, что это будет для вас означать?» В учебной беседе он помогает увидеть, допускает ли человек альтернативное объяснение. Однако резкое неприятие такого вопроса само по себе не доказывает ложь. Человек может чувствовать недоверие или опасаться повторного унижения.

Несколько мотивов одновременно

Представим участника незаконной схемы, который хочет прекратить участие. Он действительно раскаивается, боится наказания, нуждается в деньгах и сердится на организатора. Искать один мотив, отменяющий остальные, необязательно. Важно понять, как каждый из них может повлиять на решения и рассказ.

Раскаяние может побуждать к подробности. Страх — к умолчанию о собственных действиях. Желание получить выгоду — к преувеличению своей осведомлённости. Личный конфликт — к выборочному описанию чужой роли. Это возможные направления проверки в вымышленном кейсе, а не диагноз конкретному человеку.

Сотруднику полезно заметить и собственное ожидание. Если он заранее рассчитывает услышать признание вины организатора, то слова о раскаянии могут показаться достаточным доказательством честности. Если источник неприятен ему лично, те же обстоятельства будут истолкованы как хитрость. Поэтому объяснение мотивов должно опираться на сказанное и сделанное, а не на симпатию.

Стыд и язык самооправдания

Люди нередко выбирают формулировки, сохраняющие приемлемое представление о себе: «просто помогал», «только передавал», «не задавал вопросов». В учебном разговоре полезно не спорить сразу с самооценкой, а уточнить действия. Что передал? Кому? Что знал в тот момент? Какие указания получил?

Фраза «я был наивным» может быть объяснением человека, но не окончательным выводом о его умысле. Так же и фраза «я во всём виноват» не устанавливает состава преступления. Задача разговора — получить фактическое описание, которое затем оценивается в надлежащем правовом порядке.

Если собеседник опасается самообвинения, разговор об условиях и юридической помощи нельзя обходить обещанием, что «это пока просто по-человечески». Неформальный тон не уничтожает правовые последствия сообщения. Человеку нужно понимать, с кем и в каком качестве он разговаривает.

Мотивация меняется

В начале источнику может быть важна безопасность. После устранения непосредственной угрозы он начинает думать о работе и доходе. После долгого ожидания возникает раздражение. Перед судебным разбирательством — страх публичности. Изменение мотива не обязательно означает предательство или недобросовестность.

Авторская рекомендация для учебной модели — возвращаться к вопросу об ожиданиях при существенных изменениях обстоятельств. Не для усиления воздействия, а чтобы обнаружить расхождение условий и понимания. «Что изменилось для вас с нашей прошлой встречи?» часто полезнее обвинительного «почему вы стали хуже сотрудничать?».

Упражнение для читателя: Елена говорит, что согласится продолжать только после увольнения начальника. Как ответить? Корректный ответ обозначает пределы полномочий, уточняет причины такого условия и не обещает кадрового решения. Затем отдельно рассматриваются уже сообщённые факты и возможность законного продолжения контакта. Ценность сообщения не должна зависеть от согласия принять неподтверждённое условие.

Глава 5 Доверие, которое выдерживает неудобный ответ

Отношения без безусловного согласия

Учебная ситуация. Источник рассказывает о предполагаемой передаче денег. Сотрудник уточняет дату. Собеседник резко отвечает: «Если вы мне не верите, зачем я вообще пришёл?» Это момент, когда легко пожертвовать точностью ради сохранения отношений: «Конечно, верю, продолжайте».

Такой ответ снимает напряжение лишь на минуту. Он оставляет ощущение, что уточнения были лишними, а доверие означает отказ от проверки. На следующей встрече любая просьба о пояснении вновь будет восприниматься как личное оскорбление.

Другая реплика: «Я отношусь к вашему сообщению серьёзно. Именно поэтому мне нужно правильно записать дату и понять, что вы наблюдали». Здесь уважение к человеку соединяется с обязанностью проверять. Сотрудник не требует заслужить доброжелательность обвинением и не обещает признать достоверным всё сказанное.

Поддержка и внушение

В публикации FBI Law Enforcement Bulletin о мотивационном интервьюировании подчёркиваются эмпатия, уважение и заинтересованность в понимании собеседника. Для этой книги важен общий принцип добросовестного разговора. Публикация не доказывает эффективность любой конкретной реплики и не является единым обязательным порядком работы со всеми источниками. [14]

Поддерживающий ответ признаёт переживание: «Понимаю, что вам трудно об этом говорить». Внушающий ответ добавляет ещё не установленный факт: «После того, что он с вами сделал, вы должны всё рассказать». Во втором случае сотрудник уже принял обвинительную версию и сообщил её собеседнику как общую основу.

Разница может быть едва заметна. «Вы испугались?» предлагает определённую эмоцию. «Что вы почувствовали в тот момент?» оставляет больше пространства для собственного описания. Закрытые вопросы тоже бывают необходимы, но важно видеть, когда они уточняют рассказ, а когда создают его содержание.

Пауза как часть разговора

Молчание может иметь несколько причин. Человек вспоминает, выбирает слова, сомневается в переводе, боится последствий или просто устал. Пауза сама по себе не позволяет выбрать одно объяснение. Поэтому её не следует объявлять признаком лжи или согласия.

В учебном упражнении полезно дать собеседнику время и затем уточнить: «Вам нужно подумать, сделать перерыв или прояснить вопрос?» Предлагаемые варианты не исчерпывают всех причин, но возвращают человеку возможность объяснить состояние. При необходимости сотрудник должен быть готов услышать четвёртый вариант.

Темп беседы не является соревнованием. Быстро полученный ответ может оказаться неуверенной догадкой, а медленный — точным воспоминанием. Однако и медлительность не доказывает добросовестность. Любой внешний признак оценивается в контексте и не заменяет проверки сведений.

Ошибка самого сотрудника

Предположим, сотрудник перепутал две даты и начал предъявлять источнику противоречие, которого не было. После проверки выяснилась ошибка записи. В этот момент недостаточно молча исправить цифру. Нужно сказать: «Я неверно сопоставил даты. Это моя ошибка. Исправляю запись».

Такое признание важно не как приём завоевания расположения. Оно восстанавливает фактическую основу беседы. Если сотрудник будет защищать собственную первоначальную версию любой ценой, источник получит урок: признание ошибки здесь опасно. В дальнейшем ему будет труднее сообщить о собственном уточнении.

Профессиональные отношения должны допускать коррекцию обеими сторонами. Право человека исправить рассказ не означает права уничтожить прежнюю запись. Честное исправление сохраняет последовательность: что говорилось, что изменилось и почему.

Граница личной близости

Длительная связь может создавать ощущение особых отношений. Источник начинает ждать личного участия в семейных и финансовых вопросах. Сотрудник, в свою очередь, ощущает ответственность за человека и может переоценить собственные возможности. В учебной модели это повод прояснить роли, а не тайно расширять обещания.

Если источник говорит: «Вы единственный, кому я доверяю», ответ должен сохранять человеческое уважение и организационную ясность. «Я понимаю важность нашей связи. Но решения о защите и правовых условиях принимаются в установленном порядке; они не могут зависеть только от меня». Такая реплика не обесценивает доверие, а делает его менее зависимым от одного лица.

Полезный вопрос к главе: способен ли сотрудник сообщить источнику неблагоприятное решение, не скрывая его до получения очередной информации? Если нет, отношения уже строятся на неравном знании условий. Это проблема, которую необходимо разрешать до дальнейшего расширения сотрудничества.

Глава 6 Первый разговор подробный учебный разбор

Условия сцены

Вымышленная ситуация. Взрослая сотрудница американской компании, Нора, добровольно пришла на предварительную беседу о возможных фиктивных платежах. Она не задержана. Специальных препятствий к контакту в условиях задачи нет. Это учебный пример общения; обязательные предупреждения и процедуры определяются действительным статусом человека и применимым правом.

Нора принесла список из четырёх операций. Она убеждена, что руководитель похищает деньги. Сотрудник ещё не видел первичных документов. Известно только содержание первоначального обращения. Цель встречи — разобраться в сообщении и ожиданиях, а не добиться согласия на любые последующие поручения.

Начало без готового обвинения

Сотрудник: «Спасибо, что пришли. Прежде чем обсуждать подробности, я объясню цель сегодняшней беседы и уточню, правильно ли мы понимаем ваш статус и возможность разговора. Затем вы сможете рассказать своими словами, что обнаружили».

Нора: «Мне нужно, чтобы вы наконец остановили директора».

Сотрудник: «Какие конкретные обстоятельства заставили вас обратиться?»

Нора: «Четыре платежа подряд. Одинаковые суммы. Это явно вывод денег».

Сотрудник: «Расскажите сначала о платежах: где вы их увидели и что относилось к вашей работе. Ваше объяснение их смысла мы тоже зафиксируем отдельно».

В этой части собеседник не спорит с Норой о её заключении, но и не принимает его за установленное событие. Сначала нужно понять предмет наблюдения. Слова «вывод денег» могут обозначать преступление, подозрительную хозяйственную операцию или просто необычный для сотрудницы порядок расчётов.

Уточнение личного знания

Нора: «Я проверяю реестр. Счета выставлены разными компаниями, а суммы совпадают».

Сотрудник: «Вы проверяете только реестр или также договоры и результат работ?»

Нора: «Договоры мне обычно не показывают. Но наш менеджер сказал, что услуг не было».

Сотрудник: «Что менеджер наблюдал сам? Он объяснил, откуда это знает?»

Нора: «Нет. Мы говорили недолго. Он сказал, что всё понятно».

Сотрудник: «Тогда запишем отдельно: какие записи вы видели лично и какие слова слышали от менеджера. О выполнении услуг сейчас нужно получить самостоятельное подтверждение».

Такое уточнение ограничивает преждевременное обвинение. При этом сообщение не отбрасывается. Появляются конкретные направления проверки: договорные основания, исполнение, объяснение менеджера, возможная взаимосвязь контрагентов. Способ получения этих материалов определяется законной процедурой, а не инициативой Норы проникнуть в чужие системы.

Ожидание, которое меняет разговор

Нора: «Если я помогу, вы сможете гарантировать, что меня не уволят?»

Сотрудник: «Я не могу дать такую гарантию в этой беседе. Нужно отдельно разобраться, какие механизмы защиты применимы к вашей ситуации и кто компетентен принимать решения».

Нора: «Тогда зачем мне рисковать?»

Сотрудник: «Это существенный вопрос. Не стоит считать, что сегодняшняя встреча обязывает вас к любому дальнейшему участию. Какие риски вы считаете наиболее вероятными?»

Нора: «Директор поймёт, что реестр видела я. В отделе нас двое».

Разговор переходит от абстрактного страха к конкретному обстоятельству: круг возможных обладателей информации узок. Это не повод обещать абсолютную тайну. Это основание для компетентной оценки риска до принятия новых решений. В учебном разборе учащийся должен заметить, что изменение формата документа не обязательно скрывает происхождение сведений.

Собственная роль рассказчика

Нора: «Один из платежей я сама согласовала. Мне сказали, что директор уже всё проверил».

Сотрудник: «Это может иметь значение для вашего правового положения. Прежде чем продолжать подробный рассказ о собственных действиях, нужно прояснить статус и вопросы юридической помощи. Я не могу обещать, что сказанное в обычной беседе не будет использовано против вас».

Здесь учебная беседа должна остановиться для необходимого правового прояснения. Продолжать подробный расспрос, прикрываясь словами «мы ведь просто обсуждаем», было бы неверным образцом. Сценарий не предполагает, что Нора уже совершила преступление; он показывает появление обстоятельства, требующего отдельной оценки.

Если разговор законно продолжается

В дальнейшей части учебной задачи предполагается, что вопросы статуса и юридической помощи разрешены в надлежащем порядке. Сотрудник возвращается к фактам, не пытаясь превратить консультацию с адвокатом в препятствие или признак недобросовестности.

Сотрудник: «Вы сказали, что согласовали платёж после сообщения о проверке директором. Что именно вам сообщили, когда и в какой форме?»

Нора: «Было письмо. Я помню общий смысл, но не дословно».

Сотрудник: «Тогда не будем оформлять приблизительное воспоминание как цитату. Как законно получить и сохранить само письмо, обсудим отдельно».

Сотрудник не просит восстановить «правильные слова». Он различает память о смысле и документ. Если письмо впоследствии содержит другую формулировку, это становится материалом проверки, а не поводом переписать первоначальный рассказ задним числом.

Завершение и проверка понимания

Сотрудник: «Сегодня мы установили, какие записи вы видели лично, от кого получили дополнительные сведения и какие опасения у вас возникли. Решение о дальнейшей форме участия требует отдельного обсуждения. Расскажите, пожалуйста, как вы поняли итог встречи».

Нора: «Я передала сведения о платежах. Вы пока не установили, что это хищение. Обещания сохранить работу нет. Самой искать новые документы в чужих учётных записях мне не нужно».

Это содержательное понимание. Если бы Нора ответила «теперь мне гарантирована защита, а директор точно виноват», разговор пришлось бы продолжить для устранения недоразумения. Подпись под записью не исправляет неверно понятые условия.

Вопросы для самостоятельного разбора

Какие четыре разные задачи возникли в сцене? Получить факты о платежах; установить происхождение пересказа; оценить опасения за работу и безопасность; прояснить собственную роль Норы. Их нельзя решить одной фразой о готовности помочь.

В какой момент было бы ошибкой усиливать убеждение? Тогда, когда выяснилось возможное самообвинение и возникла необходимость правового прояснения. Желание получить продолжение истории не отменяет этой необходимости.

Какая деталь наиболее важна для будущей проверки? Единственного ответа нет. Для проверки хозяйственной версии существенны договоры и исполнение; для оценки достоверности — основания знания менеджера; для правового положения Норы — содержание согласования; для безопасности — узкий круг доступа. Хороший разбор сохраняет все направления.

Глава 7 Запись, которая не становится соавтором показаний

Как исчезает неопределённость

Учебная ситуация. Источник говорит: «Кажется, это было в среду, после обеда. В кабинет зашёл человек, похожий на поставщика. Я не видел, что у него в сумке». В краткой справке появляется запись: «В среду поставщик прибыл в кабинет с сумкой».

На первый взгляд смысл сохранён. Но исчезли неопределённость даты, приблизительное время, сомнение в личности и прямое указание на отсутствие знания о содержимом. Если такую справку перескажут ещё раз, появится «поставщик принёс деньги». Ошибка развивается не из одного большого вымысла, а из цепочки небольших увеличений уверенности.

Поэтому редактура сообщения требует сдержанности. Литературно красивый текст может быть плохой записью показаний. Для расследования важнее различимость источника каждого утверждения, чем гладкость повествования.

Цитата, пересказ и вывод

Цитата предполагает воспроизведение определённых слов. Если человек не помнит их точно, безопаснее указать, что он передаёт общий смысл. Кавычки не должны превращать приблизительное воспоминание в дословную речь.

Пересказ допустим как форма записи, когда он ясно обозначен и не расширяет содержание. Вывод сотрудника также может быть полезен для анализа, но его нужно отделять от слов источника. Иначе впоследствии невозможно понять, кто первым связал события между собой.

В учебной карточке можно использовать три самостоятельных поля: «сообщено», «уточнено», «предполагается проверяющим». Их названия не являются утверждённой формой FBI. Они помогают студенту заметить переход от чужого рассказа к собственному рассуждению.

Уверенность тоже имеет историю

В первой беседе источник не уверен в дате. На второй называет её твёрдо. Это изменение может иметь разумное объяснение: он посмотрел календарь, нашёл письмо или вспомнил привязку к событию. Но он мог также услышать дату от сотрудника и принять её за собственное воспоминание.

Нужен простой вопрос: «Что помогло вам сейчас определить дату?» Он не обвиняет в лжи, а устанавливает происхождение новой уверенности. Если ответ — документ, документ исследуют отдельно. Если ответ — слова другого человека, это также отражают.

Руководство NIJ по работе с очевидцами рассматривает сбор и сохранение свидетельской информации как самостоятельную задачу. Оно опубликовано в 1999 году и не служит действующим общим регламентом работы с конфиденциальными источниками. Для этой главы важна сама необходимость бережно сохранять полученное описание, не подменяя его ожиданиями опрашивающего. [15]

Исправление без уничтожения прошлого

Пусть источник сначала утверждал, что присутствовал при передаче денег, а затем уточнил: видел только встречу. Исправление должно сохранить прежнее утверждение и объяснение изменения. Если заменить старый текст новым без следа, будущий читатель лишится возможности оценить значимость противоречия.

Это не означает, что каждое уточнение нужно описывать обвинительным языком. Различаются исправление опечатки, естественное уточнение памяти и существенная смена версии. Значение определяется содержанием, обстоятельствами и применимыми правилами. Но история изменения не должна зависеть от того, выгодно ли оно обвинению.

Сотрудник может спросить: «Что в первоначальной записи передавало ваши слова неточно, а что изменилось в вашем собственном воспоминании?» Такой вопрос помогает различить две причины: ошибку фиксирующего лица и изменение рассказа. Иногда присутствуют обе.

Электронный файл и его происхождение

Если источник приносит файл, начинается новая линия проверки. Нужно различать содержание файла и объяснение его происхождения. Скриншот может показывать определённый текст, но сам по себе не устанавливает, кто его создал, когда появилась запись и сохранился ли полный контекст.

Учебный пример: в изображении переписки есть фраза «передай ему десять». Без соседних сообщений неизвестно, речь о деньгах, документах или времени встречи. Даже точная копия изображения не восстанавливает отсутствующий контекст. Техническая целостность копии и достоверность изображённого события решают разные задачи.

В практическом разборе спрашивают, из какой системы получен материал, кто имел доступ, есть ли исходный объект и каким законным способом можно исследовать контекст. Не следует поручать источнику самостоятельно входить в чужие аккаунты, удалять сообщения или «улучшать» файл для наглядности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.